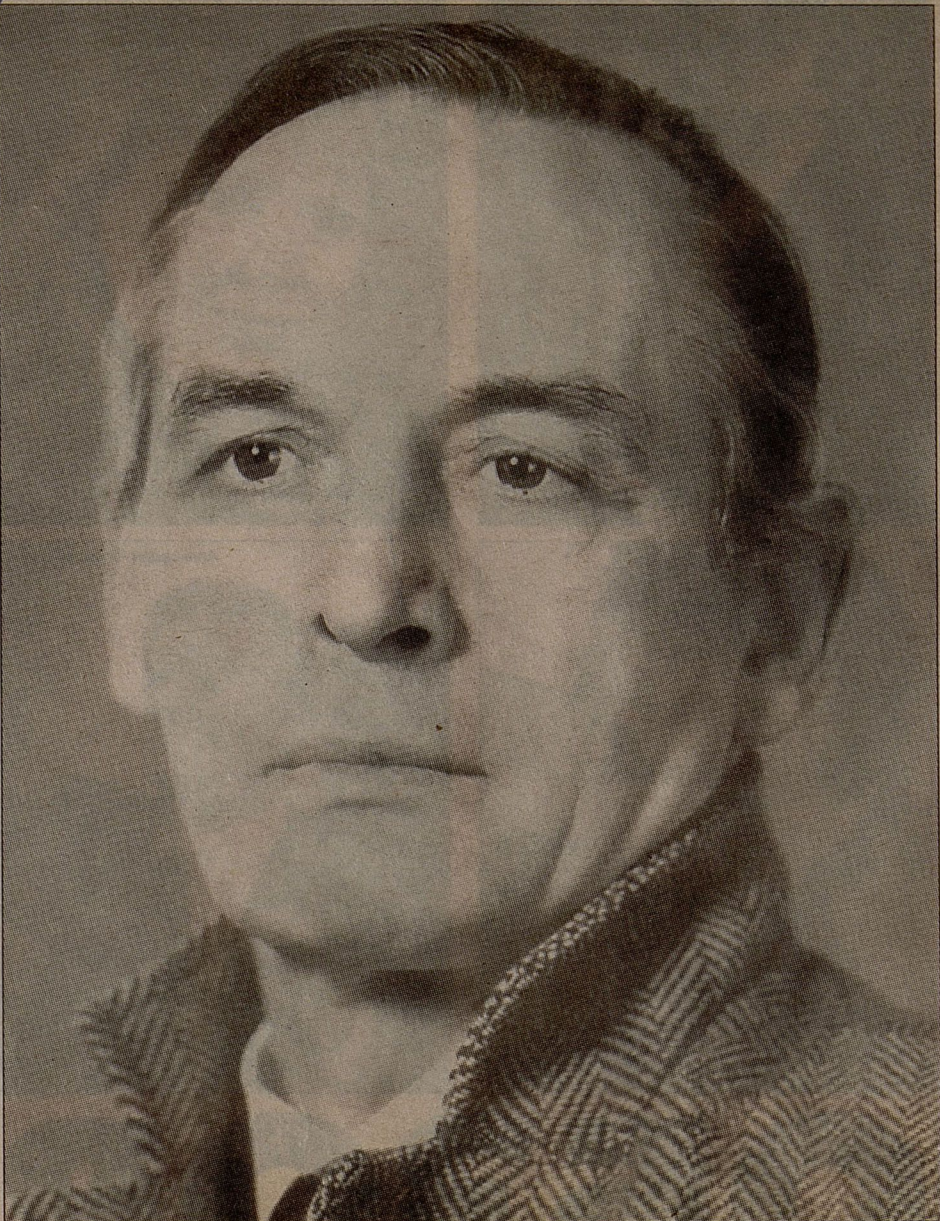

ВЫПЬЕМ ЗА АКТЕРСКОЕ ПЛЕМЯ

цифика театра, и для актера ничего не может быть выше сцены.

— Ну хорошо, тогда скажите мне, как вы считаете: люди сегодня к актерам относятся так же, как во времена Леметра, или по-иному?

— Нет, ничего не изменилось. Спросите у наших богатеньких «новых русских», как они относятся к актеру, и вы поймете: точно так же, как сто, двести и триста лет назад. Они даже и облагодетельствуют, даже денег дадут, но этот похлопывая по плечу. Хотя иногда сами — идиоты, дебилы. (Стучит по столу.) Какая культура?! Какой театр?! Разве что погреться в лучах славы знаменитого актера. Но не более того!

— Вы говорите, что в последние пятнадцать лет духовность гибнет. Вы консерватор?

— Да, я консерватор! Еще Чаадаев говорил, что глупость — отвергать прошлое. Во всем мире сначала строят новый дом, потом сносят старый. Это и называется — консерватизм. А на Руси сначала сносят дом, потом начинают строить новый. И то же самое происходит теперь с театром. Конечно, театр, несмотря на консервативность своей формы, нуждается в постоянном обновлении. Но это обновление должно происходить во благо театра, а не просто ради самого себя. Когда же идет нарушение всех народных традиций, когда все вдруг начинают молиться дерьму, мне кажется это нелепостью, глупостью. Да, мне обидно.

— Из того, что ушло за эти пятнадцать лет, чего вам особенно жаль?

— Была удивительная чтецкая культура, в основе которой — высокая поэзия. Я помню великих чтецов — Журавлева, Смоленского, Кочеряна. Не все актеры, между прочим, уме-

ют читать стихи. Многие великие актеры не умеют! Это особая статья — это как уметь петь. Как иметь слух... Когда-то я сам два-три раза в год читал стихи в Зале имени Чайковского, много ездил по стране, выступал в крупнейших городах, в Ленинграде читал часто. И вот недавно, пятнадцать лет спустя, мне позвонили оттуда: «Приезжайте в апреле к нам читать». Да... Такую монокультуру, стоявшую в стороне от театра, кино и эстрады, взяли просто и зарезали.

— Кто зарезал?

— Сначала «сверху» ее кинули. Власть была озадачена совсем другими вещами — выжить бы, устоять, удержаться. В филармонии предпочли не культурой заниматься, а деньги получать. Целую тему вырубил! Ничего не нужно стало, кроме «пузочесов» — эстрады дешевой. А за эти пятнадцать лет выросли молодые ребята, воспитанные на западном барахле, где одна жестокость, смерть, насилие. Когда на сцену приходят дешевые ценности, это признак деградации общества — вот и вся недолга. Художественное слово перестало быть востребованным — это же катастрофа! Почему я и мечтаю открыть литературный театр, ведь слово — самая короткая дорога к сердцу... Еще Маяковский говорил: «Слово сильнее власти».

— Вы уже что-то предприняли, чтобы открыть свой театр?

— Да. Мы написали письмо Лужкову, но он уже столько театров понаоткрывал — «На досках», «Под досками», «В щели», «Между щели», а теперь вот ему предлагают еще один... И тем не менее я надеюсь, что Москва все-таки захочет иметь литературный театр, где будут выступать наши лучшие чтецы и звучать великая литература. Театр, который будет выполнять просветительскую функцию.

— А вы считаете, что театр непременно должен выполнять какую-то функцию?

— Конечно. А что вас так удивляет? Да, театр должен выполнять государственную функцию. И все просветительские институты — наука, культура, театр, музыка, образование — никогда не будут нужны, если забывать, что мы живем в определенном государстве. Слава Богу, последние три — четыре года эти вот функции государственности у нас начинают крепнуть, и это правильно. Понимаете? Американцы меня поражают своим патриотизмом: вывешивают знамена, отмечают праздники и во время гимна обязательно встают. Это же замечательно! А у нас именно это пытались изжить! И главное, что мы с этим сами соглашаемся...

— А что мы должны делать?

— А что делали наши великие литераторы, когда им подсовывали дешевку?

— Писали в журнал «Колокол»... Вы считаете, что деятели культуры должны с чем-то бороться?

— Не деятели культуры должны бороться! Государство должно бороться!

— Но тогда это цензура?

— Почему цензура? Ну почему? Государство должно знать, что хорошо и что плохо!

— А чем еще может бороться государство, как не ограничительными мерами, среди которых цензура...

— Вот почему я не люблю журналистов! Вот почему я не стал журналистом! Именно поэтому! Объясните вы мне, почему на французском, итальянском, английском телевидении существует комитет, который не пускает дешевку на экраны? Попечительский совет например? Почему у них это считается нормальным, а для нас — нарушением свободы прессы? Нельзя запускать на экраны все, что захочется Владимиру Ивановичу или Ивану Петровичу! Нельзя обрушивать на совершенно непригодное, незащищенное поколение все, что придет в башку!.. (Пауза.) На чем мы остановились?

— На том, что вы журналистов ругали.

— Я не ругал.

— Ну, определяли суть профессии.

— Конечно, определял суть профессии, а не ругал! Я сам учился на журналиста, знаю, что это такое! Мне всегда смешно, когда журналисты говорят о независимости, о свободе слова. У нас на факультете журналистики, когда я учился, кто-то из студентов сказал, мол, хочу работать в независимой журналистике. Дня два вся кафедра хохотала, все студенты старших курсов.

— Актерство для вас — занятие более независимое, чем журналистика?

— Вы знаете, меня на журналистику в МГУ послали с определенной целью — набраться ума-разума. У отца и матери образование — три класса на двоих, они мне сказали: «Ну, Вася, познаться, это так тебе пригодится на сцене!» Я говорю: «Ладно, для сцены я на все готов». Но через полгода понял, что теряю время. Кстати, мои педагоги — и Мансурова, и Катин-Ярцев — заставляли меня читать все то, что я должен был прочесть в МГУ. Каждый из них давал мне свой список литературы, и я его прочитывал.

— И вы каждому отчитывались?

— Нет, зачем? Мне всегда было безумно интересно, я жадный был к знаниям...

— Неужели, поступая на журфак, вы совсем не имели желания писать что-то свое?

— Нет, писать мне никогда не хотелось, и сейчас не хочется.

— То есть вы — читатель, вы — не «чукча»?

— Нет, я не «чукча». Я получаю удовольствие не от того, что пишу стихи, а оттого, что их читаю. Так уж природа меня сотворила: организм требует великой литературы. Той, которая всегда определяла развитие людей. Она всегда была фундаментом всей русской культуры. Неповторимая, грандиозная, наиверное, лучшая в мире литература. И как бы ее временами ни приспособляли к нуждам времени, как бы ни насиловали, ни выворачивали наизнанку в том же театре, оголяя при этом задницы и передницы, она все равно выживала, чтобы уже в следующей постановке проявиться в более чистом виде. В течение веков литература исправляла общество — хорошим вкусом. Она занималась вкусом в христианском понимании! Ценностями христианскими — добра, зла и так далее! Определяла, что прилично, а что нет, что хорошо, а что плохо...

— Прививка эстетического вкуса к христианским ценностям — так получается?

— Конечно. Если вы мне докажете, что это жестокое, бездушное кино, эти бесконечные пукалки, которые сегодня принимаются на «ура», лучше того, что было раньше, я пойду за вами; как цыганское дитя за скрипкой.

— Зачем же я буду вам это доказывать?..

Вера КАЛМЫКОВА

Наш подписной индекс:

42555

ГАЗЕТУ ВСЕГДА
МОЖНО КУПИТЬ:

в театральном магазине СТД
(Страстной бульвар, дом 10. телефон: 229-94-84)

Учредитель: трудовой коллектив
Издание зарегистрировано в Московском
региональном управлении Комитета РФ по
печати 15.11.1996 г. Свидетельство № А-
0957. Цена свободная.

Главный редактор
Андрей Недзвецкий
Ответственный секретарь
Ирина Бурова

Выходит 1 раз в месяц. № 2 (66).
Номер подписан в печать 20.1.2004 г.
Газета отпечатана в типографии «Пронто-Принт»
Тираж 27 000 экз. Заказ № 137.

Адрес редакции: 127224, Москва, а/я 23
Телефон/факс 287-41-27, 287-09-10
e-mail: gtk@m5.ru
При перепечатке ссылка обязательна.